

Саша Чёрный

Экономка

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Экономка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986850

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«За узорными чугунными воротами – полумрак и прохлада. Липы сплели изогнутые ветки в темно-зеленый туннель, – дождь не пробьет.

Белая, зигзагами выющаяся стена отделила усадьбу от пустынного пыльного шоссе, обрамленного тополями, от неоглядных полей, полого спускающихся к станции. Кто бы сказал, что в часе езды – Париж?..»

Саша Чёрный

Экономка

За узорными чугунными воротами – полумрак и прохлада. Липы сплели изогнутые ветки в темно-зеленый туннель, – дождь не пробьёт.

Белая, зигзагами выющаяся стена отделила усадьбу от пустынного пыльного шоссе, обрамленного тополями, от неоглядных полей, полого спускающихся к станции. Кто бы сказал, что в часе езды – Париж?..

У входа, против домика консьержа – длинный кирпичный флигель. Площадка перед кухней усеяна темными, лопнувшими каштанами, куриным пометом и мелкой упаковочной стружкой.

За ржавым столиком в затрапезном, пропахшем землей и курятником, сером платье сидит грузная полуседая женщина в очках и тяжело дышит.

Поговорить бы, отвести душу с русским понимающим человеком... Да не с кем. Уж она бы напела! И, как всегда, присела дух перевести, а мысли бегут, выплескиваются, – словно сама с собой говорит, остановиться не может.

* * *

Десять гектаров... Тоже имение называется. В полчаса все

обревизуешь, а потом целые сутки сердце кипит.

На птичнике ворота настезь. Известно, чьи это штуки! В бочке – воды нет. Куры, позадрав носы, в кружок собрались, на втулку смотрят. Все углы грязью-пометом позаросли. Индюки драные, худые, словно нищие на паперти, вдоль сетки стоят. Глаза бы не смотрели!

В прачечной маляр-испанец с хохлушкой птичницей разговор в амурном направлении завел. Скажите пожалуйста, мезальянс какой! А постирушка ждет, цыплята по всем лавкам мокрые носки клюют... Разве ж это порядок? Шуганула его, хахаля, конечно. Жаль только слов настоящих на французском языке нет.

Дров конюх опять не напилит. Вот злыдень, прости Господи. Как теперь пироги печь? Носится на велосипеде как скаженный от усадьбы до станции, от станции до местечка. Русский конюх, а, вишь, тоже к французским романам приспособился! Хозяевам очки втирает: у коровы аппендицит, надо ветеринара вызвать...

С овощами – беда. Садовник с придурью, даром что бельгиец. По четным дням пьет, по нечетным жену бьет. На огород никого не пускает: «Огород – это я!» Контрабандой с хозяйского огорода к хозяйскому же столу овощи таскать надо... Да и такого насажал, что и цыган есть не станет. Тыква – лешему на третье блюдо. Укроп без запаха, хоть бы на смех чем-нибудь пахнул. Ну как такой в огуречный рассол класть? Артишоки никто не ест. Разве это овощ? Повыврас-

тали, как олухи, все в цвет пошли. Деньги людям не жалко! Огурцы басурманской породы какой-то: длинные да кривые, словно кинжалы. А на вкус вроде сырой кобылятины. В рот возьмешь да тихонько в руку сплюнешь, чтобы люди не засмеяли.

* * *

Главное, в большом доме никто делом не интересуется. Девыцы теннис за оранжереей завели, прыгают весь день как оглашенные, бюсты спускают. Похудеть, видите ли, надо!.. И что за игра такая окаянная: словно малые ребята, мячик с лопатки на лопатку перебрасывают. Чем пойти на птичник поинтересоваться, почему индюшка окривела, какие яйца для еды отобрать, какие на высидку, только и знают свой теннис, либо в гостиной под граммофон полы натирают. Танцы! Изогнут в три погибели животы и хребтом вертят, как кошки наскипидаренные... А то сядут в лодку друг против дружки и гребут: одна вперед, другая назад. Кто кого перегребет. Воспитание!

Отец в Париже коммиссионную лавку держит. Человек ничего, киевлянин. Баки как у собаки, глаза шилом. За все лето два пальца дал. Соблаговолил... Полпальца бы ему сдачи к носу поднести! В хозяйстве кобылы от жеребца не отличит, а туда же... имение завел. В город поедешь за покупками, явишься с докладом, выслушает, – только ничего кис-

лого ему не докладывай, огорчаться не любит. А приедет в усадьбу – беда. Почему на капусте гусеница? С какой стати лодка течет? Почему скамейки не подкрашены?.. Почему прачка беременна?

Где же это видано, чтобы экономка и за гусеницу, и за лодку, и за прачку отвечала? Бельгиец-садовник хитрюга, чем свет в огороде роз понарежет, длинноухой травой перевьет, фонарь под глазом пудрой присыпет и тащит букет в столовую... Все воскресенье ходит за хозяином следом, как грач за плугом: очки втирает. Тот доволен, губу на локоть и сейчас же бельгийцу на чай двадцать франков. Я, говорит, вами «тре контан»! Подожди до осени, будешь ты три контан... Маркиз свинячий!

А конюх еще похлеще. В укромном месте в парке хозяина высмотрит и давай про людей наговаривать... Экономка яйца прикапливает, кофе со сливками пьет. Неужели без сливок?! Покупать, что ли?.. За собой бы, лодырь, смотрел! Кто лошадь в водокачке на всю ночь забыл? Кто хозяйское вино бистровщику продал? Все известно... И про портьеры тоже, будьте покойны... На чердаке собрал охапку, свез в Париж, в канареечный цвет перекрасил и своим кралям по всему округу на платья раздарил. Уток сколько, подлец, съел! Чикнет утку в конюшне об колесо, а потом заявится, глаза, как у лешего, в разные стороны смотрят: «Опять, Варвара Ильинишна, коршун утку склевал!..» Вот уж именно... коршун.

С самой мадам тоже толку не много. Распустит пояс и лежит весь день на веранде, как майская ночь или утопленница. Тоска, видите ли, у нее. У других, может, три тоски, да еще камень в печени. Однако ничего, встают до зари, топчутся. Какая же тоска, если хозяйство? Женщина она, слов нет, кроткая: но как же так своим добром не интересоваться? Бог такое, можно сказать, редкое счастье послал... Другие в эмиграции своим горбом чужую стену подпирают, а тут все свое: дом, оранжерея, корова. Клочок русской земли создать можно. Горлинки стонут, груши наливаются, в пруду свои угри – один другого жирней. Смотреть тошно!

Кто человек понимающий и дело это самое обожает, должен по чужим кухням трепаться, глупым капризам потакать, а другой, как крот в пеньюаре, – сидит на веранде, на зеленый благословенный рай смотрит и, сложа ручки, равнодушно зевает. Скучно им здесь!.. Принцессы свеклосахарные!

* * *

Дожила, нечего сказать. Оттого и сердце кипит, когда всю эту безалаберщину видишь. Чужой хлеб давишься-ешь, да еще улыбайся им с утра до вечера. От этих улыбок, может, и годы свои сократишь.

«Варвара Ильинишна, почему кабачки невкусные?» У садовника спросить надо, мать моя... Переросшие к столу подает. Улыбнешься, да руками разводишь, да на европейский

климат сваливаешь... Старшая дочка ихняя никогда головой не кивнет. Дождевой воды ей для волос принесешь либо душистого горошка пучок, – сквозь зубы буркнет. Догадайся там – либо «спасибо», либо «пошла к черту»... Ученая! Турецкий синтаксис в гамаке весь день перелистывает. А почему куры во вшах, да как огурцы солить, – этому в Сорбоннах не учат?.. Вылупит глазнапы, как сова в очках, и по-английски на мой счет двоюродному брату: «И чего эта кувалда тут околачивается?» Язык чужой, да по выражению все понятно! Будьте покойны... В сорок восемь лет, персик мой, каждая женщина на законном основании расплывается. А вот когда в восемнадцать руки-ноги, как диванные валики, это, можно сказать, не стоило и в Париж приезжать... А кавалер-то, кузен, жимолость в штанах, туда же с усмешечкой. «Вы, – говорит, – Варвара Ильинишна, по руке хорошо гадаете. Погадали бы мне». И лапу свою цыплячью сует. Да у меня, может, на пятке больше линий, чем у тебя на руке! Что ж... Улыбнешься и врешь... Пять минут потом руки дегтярным мылом отмываешь. Богатым услуживаешь, хоть выгода какая, а этот двоюродный... Два воротничка, да подтяжки, да на сберегательной книжке – дырка от бублика. Тьфу!

Конюха столуешь, так он, гад, еще и нос воротит. «Каклеты, – говорит, – пережарены». Да где он, хамло, «каклеты»-то раньше ел?! Рожа – циферблатом, вино пьет до отвалу, еще и выбирай, с маркой ему подавай! И молчишь. Садовнику яичек снесешь – он тут же на манер президент-ми-

нистра, что поделаешь. Землянику в парке, спину гнешь, собираешь. Принесешь в большой дом, приезжая племянница, кобыла сверхобхватная, и спасибо не скажет: пасть раскроет, всю миску вмиг опростает. Для тебя собирала!.. Смолчишь, улыбнешься ласково, и только за углом – дом обогнешь – плюнешь с досады...

А уж как жилось дома!.. Домик в Житомире за третьим бульваром – игрушка. Над крышей тополя до неба. Огород русский, православный: закудрявится весь, не уйдешь... Никакой Версаль не сравнится. И не сидела ведь павой, благо что капитал кое-какой был. Осенью вздохнуть некогда. Капусту рубят-шинкуют, огурцы горой, только бы бочек хватило... Соленья, маринады, повидло... Рецепты такие хозяйственные знала, что самой Молоховец и во сне не снились!

Конюх свой был. По струнке ходил. Придет в дом, у прилоки станет, дело свое обскажет, и будьте здоровы. Никаких фиников-пряников – и без «каклет» доволен был. А когда бежала, он же первый, милый человек, лепешек на дорогу принес... А сад какой... Господи! Одних яблонь сортов до шестнадцати: розмарин, антоновка, цыганка, золотое семечко...

* * *

– Варвара Ильинишна!

Экономка очнулась и сердито из-под очков покосилась на

дорожку.

– Чего, дуся?

Зашуршали кусты. Из большого дома прибежал, шелкая на ходу по веткам хлыстом, младший хозяйский сын, тонконогий веснушчатый мальчуган.

– Папа звонил только что. К ужину из Парижа к нам гости приедут. Восемь человек... Мама просит, чтобы вы что-нибудь придумали поинтереснее... А когда же вы мне маникюр сделаете? Вы же обещали!

Экономка встает, на лице вспыхивают багровые пятна.

Действительно, только ей и недоставало – слюнявому индюшонку маникюр делать... Ах ты, господи! Дров не напилили, птичница за жавелевой водой ушла, садовник пьян – в огороде сидит, с тыквой разговаривает, жена садовника пластом третий день лежит после очередной потасовки, конюх краденым одеколоном надушился, укатил за ветеринаром... Вот и воюй без войска. Птицы без воды, корова не доена, печень разыгралась, а тут восемь человек на голову свалились... Лодыри парижские!

Она судорожно выдавливает на лице приветливую улыбку и, запахивая на груди капот, треплет мальчугана по плечу.

– Сейчас, дуся... Сейчас, дуся, приду.

И про себя добавляет уже безо всякой улыбки: «Сказались бы вы все, гром вас побей с гостями вместе!»